

18+

ЕЛЕНА БЛОСФИЛЬД

ТАНЗАНИЯ без ТОРМОЗОВ или Вынос мозга по-африкански

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Елена Блосфильд

**Танзания без тормозов, или
Вынос мозга по-африкански.
Записки путешественника**

«Издательские решения»

Блосфильд Е.

Танзания без тормозов, или Вынос мозга по-африкански. Записки путешественника / Е. Блосфильд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838778-4

Это не путеводитель. Это реальная история о двухмесячном путешествии в Африку — в дружелюбную Танзанию, которую автор объехала вдоль и поперёк, побывав не только в туристических местах, но и там, где европейцы не рискуют появляться. Эта книга о приключениях в африканских городах, деревнях и саванне, где каждый час насыщен событиями, новыми знакомствами, борьбой за выживание.

ISBN 978-5-44-838778-4

© Блосфильд Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Начало	7
«TAZARA»: первое испытание	12
Нджомбе: второе испытание	17
Булонгва: близкое знакомство	22
Переход мзунгу через горы Ливингстона	25
Матема: разлом в неземной коре головного мозга	27
Тукуйю: в африканских джунглях	34
Мбея: нетёплое лето на экваторе	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Танзания без тормозов, или
Вынос мозга по-африкански
Записки путешественника
Елена Блосфильд**

Елена Блосфильд *Фотограф*

© Елена Блосфильд, 2017

© Елена Блосфильд, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-8778-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Медленно тянется время, превращаясь в путевые заметки. И под баобабом в африканской деревне, и на обочине дороги среди полей, и в палатке под крики гиен, и на плывущем к Занзибару пароме среди спящих на полу женщин, и на пляже озера Танганьика среди мужчин, стирающих свою одежду, – слово за словом, страница за страницей, каждый день появлялись рассказы о происходящем вокруг – удивительном, невероятном, а иногда и опасном.

При регистрации в аэропорту «Шереметьево», чтобы оформить мой багаж, мне задали традиционный вопрос: «Куда вы летите?» Я ответила. «В Дар-эс-Салаам? А где это?» Я говорю: «В Танзании». Мне не важно, знаете ли вы, читатель, где находится Танзания. Я думаю, что знаете, если взяли в руки эту книгу. Главное – чтобы это знали пилоты моего самолета, который летит из Стамбула до Дар-эс-Салаама. В Стамбуле тогда я была в первый раз, делала пересадку с самолета на самолет. У меня было много свободного времени, отель и трансфер предоставлялся авиакомпанией, поэтому я с огромным удовольствием прогулялась по городу, но это – другая история.

Итак, ночью мой самолет приземлился на африканскую землю.

Сразу после прилета в аэропорт я поняла, что эта поездка будет особенной, не такой, как все предыдущие. К сожалению, невозможно удержать все интересное в памяти, но у меня был мобильный телефон, на котором я начинала эту книгу, впечатывая стилусом букву за буквой, а впереди – много-много времени – целых два месяца приключений, когда каждый час насыщен событиями, новыми знакомствами, борьбой за выживание.

Как всегда в новой стране, я старалась проникнуть в чужую культуру, в повседневный быт людей, узнать, как они живут, как передвигаются по стране, какие проблемы их волнуют. Здесь часто не говорят по-английски: простым людям это и не надо – они живут вдали от туристических мест. Но с каждым годом путешественники все чаще забредают в труднодоступные деревни, а европейцы уже многие годы здесь живут и работают. Всем этим людям проще выучить местный язык, чем найти того, кто понимает английский. Вот и я выучила необходимый минимум слов на суахили, чтобы не растеряться в любой ситуации. Спросить дорогу, купить бутылку воды, ответить «хорошо» на вопрос «как дела?» – я могла. И я знала, что если кто-то рядом рассказывает что-то и упоминает слово «мзунгу» – значит, этот человек говорит обо мне. Ведь я – мзунгу, то есть белая. Поэтому ко мне – особо пристальное внимание, особо настойчивые предложения помочь, потому что скрыться и раствориться среди населения нереально. При всем желании. А когда все вокруг говорят на суахили, еще быстрее запоминаются слова, и особенно когда они пишутся латинскими буквами. Очень скоро после прилета в Танзанию я выучила еще пару десятков слов, чтобы яснее выражать свои желания. Или, наоборот, нежелание.

Здесь время тянется медленно, позволяя больше узнать африканскую жизнь, заставляя глубже понять душу страны и яснее уловить ее пульс – совершенно другой, не такой как в Европе и Азии. Заканчивается день, заходит солнце, и вместе с его последними лучами начинаются новые сутки – отсчет времени – восточно-африканского.

Мои истории часто возникали еще во мраке быстро отступающей ночи. Пока я ждала попутную машину, поезд, паром, новое колесо для сломанного автобуса, каждую свободную минуту я старалась записать увиденное и пережитое.

Так рождалась эта книга.

Все персонажи реальны, все имена – вымышлены.

Начало

Наверное, эффектнее было бы начать эту историю словами: «Я проснулась от яркого света, который проник через окно, медленно подкрался к моему лицу, заставил открыть глаза и тут же зажмуриться...» Что-то вроде этого. Но нет, такого не было. Я просто проснулась. Не было яркого света, он не мог проникнуть в эту комнату. Ни в какое время суток. Потому что окно выходило на узкую улицу, или, вернее, даже в переулок, окруженный небоскребами, – если смотреть на них глазами местного жителя, конечно. Поэтому начну свой рассказ несколько иначе.

Я проснулась. Белые стены, белый потолок, еле слышный шум на улице. Не вставая с постели, я задумалась.

Где я? Где на этот раз? В какой стране? На каком континенте? Куда я прилетела сегодня утром? Я силилась вспомнить, но не могла. Видимо, после перелета и бессонной ночи определить свое местонахождение на планете Земля было не в силах человеческих. Провал в памяти.

Было очень жарко.

Но постепенно мозг возвращал себе способность нормально реагировать на окружающую действительность. Не прошло и нескольких секунд, как я все вспомнила. И перелет, и ночь в аэропорту, и дорогу до отеля, где я сейчас и находилась.

Обычно я путешествую по Азии. Но на этот раз – нет...

Я была на другом континенте.

В Африке.

А небоскребы, заслонившие мне солнце, – это просто десятиэтажные дома самого крупного города Танзании – Дар-эс-Салаама.

...Настоящая африканская ночь, глубокая, черная, жаркая. После прохладной декабрьской Москвы было немного странно ощущать ночной теплый воздух, но еще непривычнее было оказаться в зале прилета, который располагался прямо на улице. Стояли закрытые киоски, банкоматы, висело табло со списком приземлившихся самолетов. Работал только обменник, да и человек из турфирмы не спал и уже заметил меня. Отсутствие стен и дверей в аэропорту меня мало удивило – слишком сильно хотелось спать. Надо было дожидаться утра.

Человек в обменнике скучал, а сотрудник турфирмы покинул свой маленький офис, предлагая поехать на сафари... Но мне после длительного перелета и бессонной ночи хотелось бросить рюкзак на пол, а свое тело – на любую горизонтальную поверхность где-нибудь в дальнем углу аэропорта... и отключиться минут на пятнадцать. Но не тут-то было. Десяток встречающих и десяток банкоматов – вот и весь зал. Какая-то мини-стройка посередине... Мне еле удалось найти единственную скамейку, спрятанную за банкоматом и каким-то рекламным щитом с жирафом. Сразу набежали люди, сели рядом – лечь и уснуть мне не удалось. Четвертый час ночи в темном Даре. Полумрак. Еще пару часов надо продержаться.

Однако белой девушке просто так не дадут отключиться и вздремнуть... Подходят таксисты, спрашивают, не нужно ли мне такси. Я, делая вид, что не первый и не второй раз в Африке, охотно рассказываю им, откуда я прилетела и что мне не нужно такси. Они понимающе кивают и отстают. Добрые люди, заботливые и внимательные. Через десять минут все вокруг уже знает, кто я и что делаю в аэропорту, и проходят мимо. Наконец-то можно вздремнуть.

Но только я закрыла глаза...

Сидящая рядом женщина европейской внешности спрашивает, говорю ли я по-немецки. Я отвечаю, что нет. Тогда она поинтересовалась по-английски, каким рейсом я прилетела. Я сказала. Она, воскликнув: «Oh mein Gott», убежала куда-то. Оказывается, она встречала друзей, которые летели тем же рейсом из Стамбула в Дар-эс-Салаам... Я вспомнила, что само-

лет делал посадку в Найроби. По громкой связи, конечно, что-то объявляли по-английски, но, видимо, не все пассажиры поняли, что это еще не Танзания. Бывает.

Женщина в Танзании

Я поменяла позу на более удобную, развалившись на освободившееся место, надеясь хотя бы ненадолго отключить уставший мозг. Ко мне подошел парень с африканскими косичками, спросил, не шведка ли я – а то он должен встретить даму из Швеции. Я говорю, что нет. Ушел.

На скамейку около меня сели два африканца. Потом они ушли, и на их место сели две африканки в цветных платьях и в платках такого же цвета. Вздремнуть не удастся, поэтому наблюдаю за окружающими людьми. Кстати, рядом, за банкоматом, есть скамейки, – это зал вылета. А если совсем станет грустно, то по лестнице можно подняться на второй этаж. Там должны быть рестораны. Но ночью, тем более с рюкзаком, делать этого совсем не хочется. Вздремнуть бы...

Дар-эс-Салаам – это «дом мира», если перевести с арабского. А если присмотреться, то это еще и самый крутой мегаполис Танзании, самый богатый и самый населенный. Он находится на берегу океана, поэтому не удивительно, что в городе полно пляжей, на любой вкус. Но главное – не забывать, что днем отлив, и купаться удастся только вечером. Или утром. В Даре я могла бы задержаться на несколько дней, но вначале путешествия хотелось сразу уехать вглубь страны: сафари, племена, национальные парки и особенно Килиманджаро казались тем, ради чего я и приехала в Танзанию.

Так я думала в первый день, прогуливаясь по улицам города. Перебегая от офиса с кондиционером до кафе с кондиционером, я добралась до пристани, откуда ходили паромы на острова и в другую часть города, через канал. Эти паромы делают то же, что во всех других городах делает мост – переправляют людей и машины в другую часть города. Моста в Даре пока нет: ну не успели китайцы его построить.

– Jambo! Habari? – слышу я вдруг.

– Nzuri sana. Asante, – отвечаю, не моргнув глазом.

Танзаниец улыбается и протягивает мне руку. Я ее жму.

– Unasema Kiswahili? – продолжает он свои расспросы.

– Kidogo, – честно отвечаю я.

А теперь перевод на русский язык:

– Привет! Как дела?

– Прекрасно. Благодарю.

– Говоришь на суахили?

– Немного.

Несмотря на жару, покидать улицы не хотелось. Все вокруг было новым и интересным: люди, культура, язык. Знаменитая улица Ocean road тянулась вдоль побережья, приманивая меня видами океана, даже во время отлива. По берегу бродили люди, с любопытством поглядывая на – так в Танзании называют всех белых – европейцев и американцев. *мзунгу*

Дар-эс-Салаам

Ночью после полуночи проснулся аппетит, а магазины и рестораны в Даре уже давно закрылись. Но разве голодного путешественника это остановит? Оказалось, что поесть можно прямо на улице – если найти жареную картошку. А найти ее просто – надо смотреть, где собирается народ. Он обычно там, где есть чего покушать. Жареную картошку с жареными яйцами (– так называется это национальное блюдо), можно купить за какую-то очень символическую сумму прямо со сковородки. А жарят ее на улице. Так называемый африканский фаст-фуд. Так что ночью единственный источник пропитания на улицах Дара – это передвижная тележка, она же мобильная кухня. *чипси маяи*

Настал новый жаркий африканский день. Именно день, а не утро, потому что на экваторе солнце восходит быстро, и утро – это всего лишь несколько минут. Первым делом нужно было поехать на вокзал за билетами на поезд. А таксисты опять будто сговорились – ни за что не хотели снижать цену. Такое явление, как (в точном переводе с суахили означает «маршрутка»), пока что казалось чем-то слишком экзотическим. Да, это не Азия, не Индия и тем более не Непал, где можно торговаться. Здесь полно таксистов, которые знают себе цену, и особенно цену своей работе, и на меньшее количество шиллингов не согласны. Только когда танзанийские денежки стали таять, и именно из-за расходов на такси, пришлось задуматься: а может даладала – не так страшно, может, это всего лишь нормальные местные автобусы? Как позже выяснилось, цены на даладала превзошли все ожидания, на которые способен европеец и россиянин. Проезд стоил так мало, что на остановках даже продавались мелкие разменные монеты, которые больше нигде в стране и не употреблялись, кроме как в городских автобусах.

даладала

Автобусы, кстати, были сделаны в Китае, на дверях даже надписи по-китайски. Но честно скажу: туристов из Китая я не видела, как это ни странно. Однако в Танзании работает много китайских инженеров, которые активно и очень успешно ведут борьбу с африканским бездорожьем и строят дороги, в том числе и железные.

«TAZARA»: первое испытание

Из Дар-эс-Салаама можно отправиться, куда глаза глядят – на все четыре стороны. А если возникло непреодолимое желание покататься на настоящем африканском поезде, то на выбор только два основных железнодорожных направления – в Замбию («TAZARA», строительство которой было профинансировано Китаем) и к озеру Танганьика – в город Кигому. И, соответственно, есть два вокзала. На поезд «TAZARA» теоретически можно достать билеты в первый класс. Я знаю, что такое индийский первый класс. А вот что такое африканский первый класс, мне тогда было очень интересно узнать. Но я так и не выяснила. Зато провела долгие часы на вокзале, причем в день своего рождения. Кто еще так оригинально встречает новый год своей жизни?

А чтобы отправиться на этом удивительном поезде в прекрасном третьем классе, надо было купить билеты, как минимум, накануне. Иначе – не достались бы сидячие места. Тут слово можно смело читать как *«сидячие» «спальные стандартной комфортности»*.

Итак, в начале дня билеты на поезд «TAZARA» были куплены. На завтра. Поэтому можно рвануть на пляж в другую часть города, на пароме. Лучше провести остаток времени на берегу океана под пальмой, чем под кондиционером. Вечером как раз будет прилив.

Такси, паром, даладала, напоминающая азиатский тук-тук, – и я на пляже. В экзотическом отеле предлагают поселиться в бунгало или палатку – довольно большое сооружение, с дверью, закрывающейся на обычный навесной замок, с окнами, тентом и беседкой неподалеку, где есть розетки, столик и скамейки для обеда, ужина и утреннего кофе. Палатка *deluxe*...

Развлечения на пляже тоже экзотические: наблюдение за иностранцами, за африканцами, за парнем из племени маасай, продающим сувениры, прогулка вдоль берега в соседний отель, просмотр меню, сравнение цен на пиво, купание в мангровом лесу, игра в фотографа с местным населением, рыбаками и детьми, наконец, фотографирование заката и восхода.

Будто провожая меня, утром персонал гостиницы устроил какую-то перестановку, и на вопрос: зачем всё это, владелец отеля, выходец из Индии, ответил, что завтра здесь начнется фестиваль кинематографистов Танзании, и пригласил посетить его. Я, к великому сожалению своему, отказалась. Позже я вернусь в этот прекрасный отель, чтобы провести в нем новогоднюю ночь, – но уже не в палатке. И не в бунгало, как, наверное, предположил читатель. Раскрою секрет позже.

А сегодня меня ждал знаменитый поезд «TAZARA».

Но оказалось, что наоборот. Не поезд ждал меня, а я должна была ждать поезд, который опаздывал на 3 часа. Это был первый танзанийский сюрприз. Второй сюрприз был – сам поезд.

Все на вокзале казалось странным и непривычным. Но люди, которые тоже ждали поезда, обращали на меня столько же внимания, сколько и на всех остальных людей вокруг. То есть почти не замечали меня. Женщины кормили грудных детей, не отходя в сторону, а дети постарше, сев на пол и сняв обувь, ели то, что припасли в своих сумках их матери. Я тоже сняла сандалии и села на пол, прислонившись к колонне, – стало гораздо легче ожидать поезда, даже можно было вздремнуть.

В первые дни мне казалось, что танзанийцы относятся спокойно – слишком спокойно – к белым. Знакомятся, жмут руки. В любое время дня и ночи подходят, спрашивают, куда едешь, стараются помочь – или делают вид. Как позже выяснилось, все люди у танзанийцев делятся на африканцев, азиатов и белых. Тут под «белыми» они имеют в виду всех остальных, которые не африканцы и не азиаты.

Итак, меня ждали настоящие приключения, о которых турист при здравом уме даже не мечтает, потому что не догадывается. Через неделю я уже ко многому привыкла в Африке, знала много слов на суахили и научилась не только слушать африканские сказки, но и рас-

сказывать их. Я говорила всем, что уже месяц путешествую по Танзании, перечисляя города, которые проехала в стиле «галопом по Европам», вернее, «галопом по Африке», – насколько это позволяет скорость танзанийского поезда и танзанийских междугородних автобусов. Особенно в начале сезона дождей.

Поезд «TAZARA» должен был пересечь довольно большой отрезок африканских просторов, на максимальной скорости проехав ночью заповедник Селус, где в определенный сезон можно даже поохотиться на льва. Матамбо – Макамбако – Нджомбе... Главное – знать названия населенных пунктов, и африканцы всегда подскажут правильное направление.

Итак, вокзал «TAZARA» в Дар-эс-Салааме. Два этажа, посередине огромная лестница, на которой развешана целая галерея фотографий, на втором этаже много кафе, как и на любом вокзале крупного города. Везде чистота. Постоянно объявляют, что поезд опаздывает. Наконец после трех часов ожидания народ толпой повалил к выходу. Пришлось вспомнить и применить полученные в московском общественном транспорте навыки расталкивания толпы, чтобы пробраться к нужной платформе. По дороге краем глаза заметила нескольких мзунгу – европейцев, скорее всего немцев или шведов. Нетрудно догадаться, что это счастливые обладатели билетов в первый класс.

И вот я на своем месте, а впереди у меня – 19 часов пути в вагоне третьего класса, забитом тюками и людьми. Только животных не было почему-то, по крайней мере, в том вагоне, в котором я ехала. Сразу же заботливые мамы посадили своих многочисленных детей на колени тем, кто ехал сидя. Возмущаться бесполезно: ругаться африканцы умеют не хуже русских. Я, подозревая, что для меня как для новоприбывшей мзунгу, приготовили маленького ребенка, пригласила стоящую рядом девочку, примерно семи лет, присесть. Она не удивилась и села – видимо, так было принято. Я ехала и радовалась, что вовремя сообразила, особенно после того, как младенец, сидящий напротив на коленях мамы, наделал под себя, и это чувствовалось: памперсы в Танзании – редкость.

Люди не сидели, то есть не стояли на месте, ходили туда-обратно по вагону, пролезая через тюки с сушеной рыбой, пихаясь локтями и выкрикивая ругательства на суахили. У них это в порядке вещей, личное пространство в общественном транспорте отсутствует. Поспать не удавалось. К утру дети с колен и часть людей вышли, а другая часть устали ходить взад-вперед, а может быть, нашли уголок, где вздремнуть, поэтому мне удалось очень хорошо поспать.

Поезд «Тазара»

Путеводитель рекомендует, и я подтверждаю: знание слов и фраз на суахили, действительно, может установить контакт с местным народом. И не только установить, но и прервать – в определенных ситуациях. И чем больше знаете слов – тем лучше. Это в Дар-эс-Салааме и в самых туристических районах африканцы знают английский. А в остальных местах – ни слова. И тем, кто висел на мне и пихал локтями в поезде, приходилось разьяснять ситуацию на суахили. Они понимали, как ни странно, и поэтому я несколько часов поспала – до остановки и прихода свежих пассажиров, которые не знают еще, кто в вагоне главный. Для европейцев, привыкших к комфорту, такой поезд был бы кошмаром и вызвал бы шок, а может и серьезные нарушения в их психике.

Уже через несколько часов пути меня стала посещать навязчивая мысль. Мне казалось, что по поезду прошел слух (танзанийцы – очень общительный народ, ходят по вагонам и всем рассказывают), что сходите, мол, в такой-то вагон, посмотрите на мзунгу. Ну а что им делать, если все равно места у них не сидячие? Вот, чтобы не быть навязчивыми, они и ходили мимо – туда-обратно. Самые любопытные останавливались около меня и принимали удары, толчки и пинки постоянно движущегося потока людей.

А к утру весь народ поезда на мзунгу насмотрелся и успокоился. Каждый занялся своим делом – кто спал, а кто переупаковывал вещи. Мамаши с маленькими детишками вышли еще ночью, поэтому по вагону стал распространяться другой навязчивый запах. Пахло сушеной

рыбой – это обычный запах всех стран, расположенных на берегу океана. Потом появился и хозяин этого запаха, вернее, рыбы. Он принес пустую коробку, достал с полки кусок ткани вместе с рыбой и стал перекладывать ее. Иногда рыба не хотела помещаться в коробке и падала на пол. Мужчина поднимал ее и водворял на предназначенное ей место. В итоге у него получилась доверху с горкой наполненная коробка. Что же он стал делать потом? Он унес с собой рыбу и запах. Потом вернулся, и у него уже было лишь несколько рыбин на дне коробки. Видимо, он ее продал. Поставив на полку остатки улова, он сел на свободное место недалеко от меня.

Вошла новая партия танзанийцев. С утра они были как-то спокойнее и веселее. Напротив сел человек в синей ветровке, очень коротко стриженный, смеясь, весело болтая без умолку со всеми подряд, высоким голосом разгоняя мой дневной сон. Оказалось, что это девушка.

– Далеко ли до Макамбако?

– А я скажу, когда выходить, – ответила она.

Поговорив со всеми, до кого удалось докричаться, девушка склонила голову на окно и уснула. Стало тихо.

Итак, самый шикарный танзанийский поезд, идущий в Замбию, шел от Дар-эс-Салаама до Макамбако 19 часов. С пяти вечера до двенадцати утра. Утром люди начали выходить на своих остановках, причем не все выходили в дверь, многие вылезали в окно, им подавали туда же их тюки, коробки и корзины. Странно не это, а то, что некоторые пытались зайти тем же путем. Иногда получалось.

В поезде «Тазара»

Долго тянулось время, и, чтобы как-то себя развлечь, люди в поезде покупали все, что продавалось. На каждой остановке к поезду сбегалась толпа людей и что-нибудь предлагали. На одной станции все подряд продавали веники. А люди в поезде их покупали, прямо через окно. Наверное, население поселка специализировалось на изготовлении веников, и только в этой точке страны их можно было купить очень дешево.

За десять минут до остановки в Макамбако половина пассажиров очень поспешно вдруг повставали со своих мест и пошли через все вагоны. Их не останавливало, что на полу сидели люди и были навалены чьи-то вещи. Зачем и куда они спешили – осталось загадкой, ведь поезд еще ехал.

Забегая вперед, скажу, что я выходила из поезда нормально, через дверь. Медленно и с достоинством.

© фото: Елена Блосфильд

Нджомбе: второе испытание

И вот наконец городок Макамбако. Девушка в синей ветровке, разбуженная выходящими через окно товарищами, помогала им с багажом – подавала тюки и корзины.

Нога мзунгу ступила на красную землю. Первое испытание поездом осталось позади. Вот она, настоящая Африка – ни небоскребов, ни мерседесов – и никого, кто бы знал английский. Это танзанийская глубинка. Предстоял долгий и трудный путь через горы и спуск к озеру Ньяса – свидетельству огромного разлома земной коры – и границе с Малави.

Но прежде чем отправиться на прогулку с рюкзаком за плечами, нужно пройти очередное испытание транспортом – доехать на местном автобусе до городка Нджомбе.

Танзанийцы – дружелюбный народ. Они не удивились, увидев мзунгу рядом с собой в даладала, а не на джипе с личным англоговорящим водителем. А если кто и удивился, то не подал виду. Конечно, появление белого в глубинке – редкость, да еще и в общественном транспорте. Может быть, поэтому меня усадили на самое почетное место – на заднее сиденье. Очень быстро народ, по привычке, плотно утрамбовался, и автобус медленно поехал.

Рядом со мной сидела женщина с пустым пластиковым ящиком из-под фруктов. Мне непонятно было, зачем она везет куда-то ящик. Сначала на ближайшей остановке она купила курицу (живую!) – ей передали ее прямо в окно в полиэтиленовом пакете. На следующей остановке она купила ящик манго. Вернее, фрукты высыпали ей прямо в пустой ящик. Она всучила курицу мне, сказав: «Подержи пока». Ну, я сижу, в руках у меня курица, стараюсь делать вид, что для жителя российского мегаполиса в этом ничего необычного нет. А женщина все покупала и покупала. Далее пошли бутылки молока. Хорошо еще, что народ за окном не продавал сахарный тростник! Когда женщина наконец затарилась полностью, так что не знала, куда положить и поставить свои покупки, я отдала ей курицу. А то еще уйдет, забудет ее забрать у меня, и что мне с ней делать? (Однако, как оказалось позже, курица в моем багаже была бы не лишней.)

Скоро я привыкла к тому, что покупки совершаются на остановках через окно, и позже делала так же, иногда в конце поездки не зная, куда положить и как нести такое большое количество фруктов. Здесь всё продавалось мешками, а стоило нереально дешево. Чтобы мзунгу купили пару апельсинов и кило манго – об этом африканцы даже слушать не желали! Все продавали мешками! Для африканки унести пять килограммов фруктов не составляло труда. Я тоже старалась быть сильной в глазах общественности – мысль, сколько стоит такой мешок у нас в Москве, придавала физических сил.

Через час автобус приехал в Нджомбе. Это довольно большой городок, где можно не только посмотреть природу африканских гор: леса, поля и водопады, но и купить еду для трека, пообщаться с местными, пополнив свой словарный запас слов на суахили. Танзанийцы охотно учат своему языку белых и очень радуются, когда их понимают.

Летом в Нджомбе прохладно – для африканцев. Прохладно – это когда не выше 30 градусов. Люди одеты в теплые куртки и шарфы. Все-таки более двух тысяч метров над уровнем моря. «К черту английский, учи суахили!» – говорил очень веселый парень с африканскими косичками и в шарфе цвета радуги. А местные женщины, сидящие у дороги, охотно предлагали купить овощи и фрукты. Через полчаса рюкзаки, которые надо было тащить на себе к озеру Ньяса весь день, стали заметно тяжелее на килограмм картошки, пакет помидорчиков и мешок очень вкусных слив, половину которого пришлось съесть еще до утра. Сливы – продукт, который нельзя почистить или сварить. Поэтому мне пришлось тщательно промыть их водой из-под крана. Никогда не делайте так в Африке! Но сливы заслуживали того, чтоб рискнуть. И я не пожалела.

В Нджомбе я поселилась в гестхаусе юношеской христианской ассоциации YMCA. Это всемирная ассоциация, созданная очень давно – в 1844 году. Сейчас YMCA – это более сорока миллионов человек более чем из 130 стран, в том числе из Танзании, где туристы находят под крышей ассоциации безопасный ночлег, европейскую еду, африканские добрые улыбки и Библию в своей комнате. В Танзании много гестхаусов этой ассоциации, адреса их можно найти в известном путеводителе Lonely Planet. Туристы, которые берегут свой багаж, свое здоровье и свою жизнь, предпочитают останавливаться именно там. На мой взгляд, такой гестхаус – это маленький уголок Европы среди африканских просторов.

Утром на площади, откуда отправлялись автобусы, повстречались вчерашние знакомые – женщина, у которой покупала сливы, мужчина, который подсказывал дорогу к отелю, и парень с косичками в радужном шарфе. Они дружелюбно приветствовали мзунгу.

– Джамбо! Хабари? (Привет! Как дела?)

– Всё прекрасно. А где мой автобус? – интересовалась я.

– Я скажу, когда приедет автобус, пока вот подожди в моем офисе, – говорил начальник автобусной компании.

А офис – это стол и стул на улице. Сажу, наблюдаю за народом, изучаю одежду и необычные прически.

А с прическами у танзанийцев, с одной стороны, все просто, когда на голове ничего нет, а с другой – очень сложно – когда они сооружают на голове то, что вошло в моду среди европейцев, и это не только простые африканские косички. Чаще всего мужчины, да и девушки тоже, стригутся наголо. Нет волос – и (то есть нет проблем). Но если у некоторых парней встречаются обычные косички, то у девушек таких причесок большое разнообразие – и косички по-разному заплетают, и вплетают в волосы веревку, или закручивают самым невероятным образом. Иногда, но очень редко, встречаются вполне европейские прически – простые длинные волосы. Но это значит, что на голове у их обладательницы – парик. *акунa матата*

Интересная причёска

Танзанийские женщины поверх нижней юбки, в узел которой они завязывают деньги – вместо кошелька, носят и верхнюю юбку – и под цвет ей повязывают головной убор. Африканки часто носят и длинные платья однотипного старомодного фасона, стараясь поверх него тоже завязать верхнюю юбку. В Нджомбе они еще и теплые куртки одевали.

Оторвав свой взгляд от африканской моды, я увидела тележку с едой. Тут продавалась жареная картошка – уже знакомое мне популярное блюдо. ... За обедом время летит веселее. К картошке прилагался кетчуп, соль и даже салфетка! *Чипси*

Мимо прошел парень с календарями.

– А ну-ка покажи.

Парень развернул календарь. На нем – Бен-Ладен... Второй календарь развернул – а там Каддафи... Фотографии жизни и смерти! Под лозунгом «Он жил с оружием и от оружия умер»! Какая эмоциональная окраска сего шедевра дизайнерского искусства – не ясно. Парень серьезно смотрел и показывал календари, один за другим... Ничего не говоря и не улыбаясь. Календарь «Все диктаторы мира»... Я даже не нашла, как реагировать на такую странную полиграфическую продукцию.

Наконец подошел автобус Нджомбе—Булонгва. Все поспешили занять свои места и из окна заниматься привычным делом – совершать покупки. Подошла женщина с корзиной, а в ней разные напитки: вода, кока-кола, соки. Арахис продают лентами – можно оторвать пакетик или несколько, или купить сразу пару лент. Продавцы фруктов, салфеток, чего-то еще... А дети столпились и смотрят на мзунгу. Или мне показалось, может, они всегда так провожают автобусы. Может быть, мечтают уехать в Дар-эс-Салаам в поисках счастья или вообще в другую страну?

– Давай сюда кока-колу, – говорю я продавцу напитков.

Парень в теплой куртке подает бутылку.

Теплая!

Я делаю недовольное лицо и отдаю бутылку обратно.

– А где лёд в кока-коле??? Что это такое??? Пить как??? Это очень плохо, – говорю я по-русски. – I want cold one! With ice! – повторяю по-английски, что значит: «Я хочу холодную! Со льдом!»

Парень ушел.

«Ну вот. Теперь никакой кока-колы», – думаю я.

Автобус собирается отправляться. Водитель включает двигатель.

В моем окне появляется тот же парень с напитками. Дает мне бутылку очень холодной кока-колы, почти ледяной. Где он успел ее охладить? Или поменял в магазинчике?

Я без расспросов и разговоров отдаю требуемую сумму шиллингов, получаю чудодейственный напиток, благодарю находчивого продавца («Asante sana!») и с жадностью отпиваю пару глотков. Посещает мысль, что африканцы очень хотят, чтобы у мзунгу остались самые приятные воспоминания об их стране. Так и получилось.

В окне появился парень с календарями – специально для тех, кто не осознал шедевров и не решился купить товар, для тех, кто подумал и наконец захотел приобрести. Ну а вдруг? Снова ему пришлось показывать странную полиграфическую продукцию. Действительно, я не могла уехать, не купив календарь, не разгадав загадку таинственной африканской души из глубинки Танзании. Все эти политические лидеры, войны, бунты и перевороты были далеки от этих сельских жителей. Но тем не менее они, наверное, имели собственное мнение о мировых проблемах. Я старалась понять, какой смысл в такой пропаганде или, наоборот, в анти-пропаганде, но тщетно. Я до сих пор не знаю.

Нджомбе

© ФОТО: Елена Блосфильд

Булонгва: близкое знакомство

И вот наконец автобус поехал. Местный народ провожал взглядами мзунгу – единственное развлечение в их африканских буднях, ну разве что кроме трансляции футбольных матчей, обычно в записи.

А в Булонгве на остановке уже ждал человек, будто бы кто-то позвонил ему и сообщил о мзунгу. Или он случайно оказался там? Невысокий, лет сорока, в оранжевом свитере, он встретил меня приветствием на хорошем английском.

– Меня зовут Томас. А тебя как? Куда путь держим? О, да, озеро Ньяса – красивое место. Нужен гестхаус? Я покажу.

Отказываться от помощи новоприобретенного друга неудобно. И вот мы уже шагаем по пыльным дорогам деревни, уверенно направляясь мимо пасущихся коров к большому дому. Отеля и гестхауса, ясное дело, не было, да мне это и не нужно. Томас привел к своей знакомой – домой! А я и рада увидеть, как живут местные! Сразу спросила, где вода, душ, туалет. Хозяйка показала мне баки с водой, ведра и кабинки, где можно помыться. Я сказала, что очень хорошо. О лучшем я просто не могла и мечтать в тот момент!

Второй вопрос: про еду. Томас, который здесь жил и всё знал, показал, где можно покушать. Надо просто пройти вверх по улице и на углу найти ресторанчик – тесное помещение со столом, холодильником и плитой, где готовилась еда. Хозяйка с радостью приготовила свое фирменное блюдо – чипси маяи – яичницу с жареной картошкой. Если б не пиво «Килиманджаро», то я не смогла бы проглотить этот скромный ужин. В ту минуту я даже не подозревала, что чипси маяи будет моей основной едой в течение двух месяцев.

После совместного распития пива мы пошли гулять по деревне Булонгва, так как чернокожий гид в оранжевом свитере не отставал. Он, видимо, считал своей обязанностью показать мзунгу все. Поневоле напрашивался вопрос: а сколько стоят услуги такого гида? Но, к удивлению моему, Томас не попросил ни шиллинга. Ни в этот день, ни на следующий, когда я покидала эту прекрасную деревню. Томас показал не только поселок, где народ играл в шашки крышками от бутылок пива «Сафари» и кока-колы (поединок между «синими» и «красными»), но и как бы между прочим привел в офис фонда помощи больным СПИДом.

Открыл запертое на ключ здание, показал весь дом и фотографии, расклеенные на дверцах шкафа.

– Вот, сюда приезжал наш премьер-министр, а это – немецкие врачи...

Несколько просторных комнат, мебель, столы, покрытые скатертями, искусственные цветы на стенах, какая-то офисная техника, заботливо прикрытая салфетками.

Разумеется, в поезде и автобусе меня посещала мысль, что 20 или 30 процентов людей вокруг ВИЧ-инфицированы. А теперь это стало очевидным. Африканец охотно рассказывал про свою жизнь, пока мы шли по широкой деревенской дороге мимо полей и домов. Детишки оставили свои игры и молча провожали меня любопытными взглядами.

– В нашей деревне тысяча человек инфицированы... – рассказывал Томас.

Интересно, а вообще сколько народу живет в этой деревне? Такой вопрос пришел мне в голову, так как деревня казалась малонаселенной.

– А как ты подцепил ВИЧ?

– Не знаю.

– Спал с женщинами? Много их было?

– О да, много, из Танзании, Кении, Уганды...

– Ты женат?

– Да.

– А твои жена и дети – тоже инфицированы?

– Нет. К нам приезжала машина с доктором, жена и дети сдавали анализы. Они не инфицированы.

– А что ты чувствуешь, как проявляется болезнь?

– Никак. Все нормально. Нам привозят бесплатные лекарства.

Так, за разговорами, мы пришли обратно. Хозяйка моего скромного пристанища приветствовала меня белоснежной улыбкой. Томас попрощался и ушел. Сразу же начался тропический дождь, гром и молния, я решила отдохнуть, так как быстро темнело, а завтра с утра меня ждет трек с рюкзаком к озеру Ньяса, название которого с языка племени яо переводится просто как «озеро».

Я просмотрела фотографии, которые сделала за день. Пока гуляли с Томасом, можно было спокойно фотографировать всех, но люди просили показать, что я наснимала. Томас предупредил, чтобы я фотографировала осторожно – он объяснил, что африканцам рассказывают, что их фотографии белые продают на родине. И очень хорошо продают. Прямо богатеют на этих фотографиях. Поэтому людям это не нравится. И точно, фотографировать трудно, люди, когда видят фотокамеру, кричат, ругаются. Но если им рассказать сказки – любые, все, что приходит в голову на данный момент, – то ругаются с улыбкой, поорут и уходят. Ну а если им вообще отдать свой фотоаппарат и позволить фотографировать все вокруг, то ты – друг навеки. А некоторые требуют денег за каждый кадр. Хотя знание слов на суахили немного помогает в затруднительных ситуациях. . Это значит, что нету денег. *Акуна макута*

Однако... Надолго ли дождь? Пора в душ.

Пока я пробиралась от дома к кабинке и по пути наполняла ведра водой – немного вымокла. Душ был при громе и свете молнии – полная романтика. Еще и мой фонарик светит, распугивая паучков, – другого освещения нет нигде. Главное, есть еда, хорошая кровать и полно воды, чтобы помыться.

Утром, собрав свои вещи, я посмотрела на рюкзаки: большой и маленький, постаралась представить, как я их буду тащить на себе, мрачно взглянула на килограмм картошки, купленный в Нджомбе с надеждой испечь ее где-нибудь в горах. Затем вспомнила, что еду к обеду я могу заказать в ресторане и взять ее с собой, и решила оставить пакет с картошкой в подарок хозяйке дома, где я провела ночь и очень хорошо выспалась под шум дождя.

На завтрак в том же ресторане у той же женщины было то же чипси маяи, хорошо еще, что было пиво. С собой в дорогу пришлось прихватить опять же – чипси маяи. Я уже это блюдо видеть не могу – на обед без пива оно мне не полезло внутрь. Но деваться от яичницы с картошкой было некуда.

За завтраком Томас в том же оранжевом свитере сидел рядом, тоже пил пиво и говорил:

– Нужен проводник, чтобы провести через горы.

– Нет, не нужен.

– Ну вот заблудишься, и что тогда?

– Спрошу дорогу у людей, – говорю я, – – добавляю на суахили, что по-русски означает: где Матема? *iko wapi Matema?*

Африканец обрадовался, заулыбался и стал жать мне руку – в знак уважения, ведь я знаю суахили и поэтому не заблужусь. Теперь он спокойно может отпустить меня без проводника. Хорошие люди в Танзании. Разве может быть страшно, когда всегда найдется тот, кто поможет, абсолютно бескорыстно. Особенно хорошо в нетуристических местах, где общение с мзунгу не направлено на получение денег.

Тепло простившись с Томасом, после дружеского рукопожатия, я начала свой путь в Матему. Тропинка петляла и раздваивалась, но опять выручало мое знание суахили (очень маленькое), чтобы спросить дорогу. Когда кончилась питьевая вода – попался водопад, где можно было искупаться и набрать в пустую бутылку воды. Хорошее место для привала, чтобы отдохнуть, поболтать с местными, которые пришли за водой, побегать с фотоаппаратом

за яркими африканскими бабочками, попытаться скушать чипси маяи, припасенное на обед. Приветливые люди, фантастические пейзажи, невероятные красоты африканской природы – вот что запоминается во время дневного перехода через горы. *kidogo sana*

Очень скоро облака оказались внизу, люди скрылись вместе с последней деревней, а белые и черные обезьяны попрятались в кустах и оттуда истошно орали. А впереди показался просвет среди деревьев – и тропинка стала уходить плавно вниз. И вот оно – озеро Ньяса на границе с Малави – третье по площади и наиболее южное из озер Великой Рифтовой долины. А с высоты оно кажется не очень большим...

Плавная тропинка внезапно оборвалась...

Переход мзунгу через горы Ливингстона

В Танзании многое носит имя Ливингстона, шотландского миссионера и известного исследователя Африки. Именно он составил карту озера Ньяса, и может быть, тоже, как и я, переходил через эти же горы. Представляю, каково ему было...

А мне было... не очень хорошо...

В конце трека, в нескольких километрах от конечной цели – Матемы, – я лежала, вытянув ноги на скамейке среди манговых плантаций и отказывалась идти дальше. Ноги болели, хотелось пить, рюкзак и остатки чипси маяи в нем казались неподъемными. Невероятно красивый трек был мной уже забыт, потрясающий вид сверху на озеро Ньяса тоже, потому что трудность и почти невозможность спуска с рюкзаками превосходит все красоты всех видов вместе взятых. Полторы тысячи метров крутого спуска – это то, для чего слова я пока не нашла в русском языке. Перевалы в Гималаях, с которых я спускалась, – это спуск для ребенка – даже со льдом и снегом, даже с камнями. Потому что тропинка к дороге, ведущей в Матему, мягко сказать, не предназначена для спуска человека, тем более человека с рюкзаком, включая видео- и фототехнику. Через каждые три шага приходилось сползать на руках вниз – на следующую «площадку». Были и крутые подъемы на дороге – я забрасывала вначале рюкзак с фототехникой, а потом и себя с большим рюкзаком за плечами.

Пока тропинка шла вверх, всегда попадались люди, не спеша идущие по своим делам из деревни в деревню, так что заблудиться даже при всем желании невозможно – они объясняли дорогу... на суахили, конечно же... При этом очень расстраивались, когда я не понимала каких-то слов или фраз. Им хотелось расспросить: куда и откуда я иду, с кем и зачем. Может быть еще что-то, но общаться на самом деле было некогда – надо было спуститься к закату. Ночевать на спуске, где не было ровной площадки, не хотелось.

И вот я спустилась. Полежала на скамейке, отдохнула и... встала на ноги, взвалила на себя рюкзаки, побрела дальше. Хотелось пить и есть. Под ногами попадались манго. Спелые. Но они, увы, были уже понакусаны опередившими меня жучками и червячками. Быстро темнело.

Стало попадаться человеческое жилье и люди, возвращавшиеся домой, наверное, с работы. Все радостно приветствовали меня, по-дружески жали руки, расспрашивали. Один человек угостил меня манго, абсолютно целым. Я поблагодарила, а когда отошла немного и увидела беседку, сбросила с себя рюкзаки, протерла манго салфеткой и с аппетитом съела. Утолив голод и жажду, я собрала остатки сил и уже в сумерках добрела до дороги. А там местные показали направление к магазину-бару и гестхаусу.

Выбирать не приходилось. Что показали – туда и заселилась. Удобства – на этаже, куда рвется толпа чернокожих красоток. Но, улучив момент, пока они спорили, чья очередь мыться, я проскочила в душ и услышала ругательства и хохот за закрытой дверью. «Пусть знают белых», – подумала я. А интересно, они вообще тут белых когда-нибудь видели в такой глуши?

Итак, теперь я в поселке с неизвестным названием, в необычном гестхаусе, после странного душа, лежу под москитной сеткой, пью вьетнамский кофе (который привезла с собой из Москвы) и смотрю на жадно горящие глаза комаров. Возможно, малярийных.

Ну что ж, в Матему я попаду только утром. Взгляд мой случайно упал на чипси маяи, оставшееся с обеда. Без пива не полезет. А ужинать надо.

Я неохотно вылезла из-под сетки, отбивая атаки комаров, встала на ноги, которые меня уже не слушались, и шатаясь побрела искать персонал отеля. Мальчик сразу меня увидел и спросил, что мне нужно. Я ему показала на бутылку с пивом «Килиманджаро», которое стоит столько же, сколько бутылка воды. Для кофе воду я могла взять в том же душе из-под крана,

а вот покупать предпочитала пиво – так вернее влезет и переварится традиционное танзанийское блюдо.

– Помбе.

Это значит «пиво».

– Только бутылку не выбрасывай, принеси обратно, – сказал мальчик и протянул мне пиво. Как и во многих неевропейских странах мира, цена была указана лишь за содержимое стеклянной бутылки: если б я пожелала вдруг взять ее с собой, то пришлось бы заплатить чуть больше.

– Ok, asante sana, – сказала я, то есть «спасибо большое».

Вскоре исчезли и остатки чипси маяи, и пиво, а пустая бутылка переместилась в коридор, в ящик со стеклотарой.

После полуночи в гестхаусе началась бурная жизнь. Музыка, смех, мужские голоса... Я засунула в уши беруши, мудро выданные мне в самолете при перелете из Стамбула в Дар-эс-Салаам, и уснула.

А утром под кроватью было обнаружено несколько упаковок презервативов, не замеченных вечером. Как оказалось, они выдаются бесплатно везде, и их можно найти в каждой комнате, в любом месте. Это обязательный атрибут африканского гестхауса, как полотенце, шампунь и зубная паста со щеткой в дорогом отеле.

Матема: разлом в неземной коре головного мозга

После офиса фонда помощи ВИЧ-инфицированных и ночи в гестхаусе, где гости вместе с молодыми красавицами веселились часов до трех ночи и ушли лишь на рассвете, просто варварством было бы отправиться в городок Матема на автобусе, мотоцикле или попутном автомобиле.

Подходящий для меня транспорт нашелся сразу же. Машина «скорой помощи» отвозила больных в больницу, и водитель согласился подбросить мзунгу до городка. Интересно же не только наблюдать жизнь простых людей со всех сторон, но и участвовать в ней! Не так ли?

И вот я сижу на скамейке, трясусь в машине «скорой помощи», собирающей всех больных из разных деревень, поддерживаю детей, когда они пробираются к выходу, помогаю больным выйти, подаю им их вещи... Больные вышли около больницы и машина повезла меня в Матему.

Наконец я на месте. Перед гестхаусом христианской ассоциации YMCA. Прямо на берегу озера Ньяса. Меня с улыбками встречает дружелюбный персонал, приветствуя на хорошем английском. Там же я встречаю немцев, которые пытаются передвигаться в обратном направлении. То есть от Матемы до Булонгвы. Но если вниз с рюкзаками с гор можно спуститься, следуя законам Ньютона, в чем я убедилась на собственном опыте, то подняться вверх на полторы тысячи метров, подтягивая тело на руках, – вряд ли возможно.

На берегу настоящий курорт, почти как на море. И катание на лодках, и дайвинг, и снорклинг... Но просто купаться в озере, загорать на африканском солнышке, пить пиво, купленное в баре гестхауса, – мне неинтересно. Ведь недалеко есть деревня, где живут рыбаки. Туда можно прогуляться в поисках приключений. Что я и сделала. По пути попадались играющие дети, которые скоро завладели моей фотокамерой. Мне надоело фотографировать их под истошные вопли и я отдала им фотоаппарат. Вы просто представить себе не можете, как обрадовались мальчишки! И даже сделали десяток хороших кадров!

Я иду по берегу, играю с маленькими детишками в фотографа. А мальчишки повзрослее, удирая от меня на лодках, выдолбленных из ствола дерева, улыбаются, показывая пойманных золотых рыбок.

Вот и деревня. Моя камера направлена на свинью, отдыхающую на солнышке около дома. Вдруг из двери выбегает женщина и кричит что-то на суахили, громко и злобно. На крики сбежались любопытные рыбаки. Я спросила одного из них, почему она возмущается, почему не хочет, чтобы я фотографировала свинью? Он вежливо на английском ответил, что фоткать можно, но за деньги. И даже свиней и куриц, которые вдоль дороги что-то поклевывают.

Акуна матата. Значит, я не фоткаю.

Я пошла дальше. Женщина шла за мной. Ей было любопытно: видимо, со времен доктора Ливингстона в их деревню не часто забредали мзунгу. А может быть, у нее были дела в деревне – там, куда я шла.

Культурный цивилизованный человек, которым я себя возомнила, имеет право перекинуться парой слов с человеком, который идет с ним той же дорогой. Я что-то сказала женщине, уже не помню что. Она что-то ответила. По пути на берегу попало странное сооружение – то ли будка для собаки, то ли загон для куриц. Я спросила, показывая свою заинтересованность: – Nini?

В переводе это означало вопрос: «Что?». Я понимаю, что на суахили такой вопрос может звучать более сложно, но я знала только это слово. Женщина поняла меня сразу и начала объяснять, что это такое, для чего сделано это сооружение из веток. Я осознавала еще в начале своего путешествия, что мои знания суахили весьма скудны. Я кивала головой, делая вид, что понимаю ее. Но на самом деле я не поняла ничего. Ни слова.

И вот я в деревне, среди хижин, покрытых крышей из соломы. Главная площадь представляет собой поляну на берегу около сооружения из бамбука с такой же крышей из соломы, но вместо стены легкая пленка – защита от дождя. Это бар. Рядом стоит длинный стол, за которым сидят африканцы и что-то пьют, похожее на пиво. Меня пригласили. «Хорошо. Вот настоящее африканское гостеприимство, меня угощают национальным напитком!» – подумала я и присоединилась к компании. Ведь путешественники обычно живут в чужой стране так же, как и местные люди, и, как я уже говорила, участвуют в местной жизни. А иначе зачем ездить по планете? Чтобы везде кушать привычную европейскую еду и спать в привычных однотипных отелях? Не стоит искать ответ на этот вопрос. Он очевиден.

Пиво было разлито по 200 мл в стеклянные бутылки из-под кока-колы, пепси и тому подобных. Желтая мутная жидкость. Бутылки закрыты металлическими крышками – типа «заводское производство». Кто и из чего делает пиво – допытаться не удалось. Суахили знаю недостаточно хорошо, чтобы вникнуть в тонкости изготовления национального африканского деревенского напитка. Интересно, откуда берется вода для пива. Вряд ли из бутылок с питьевой водой, продающихся в магазине. Но об этом я спрашивать не стала. Пить так пить.

Опасаясь за свой организм, принявший стакан незнакомого напитка, я поднялась со скамейки и спросила, сколько стоит пиво. Они назвали цену – обычную цену за воду, пиво или за любой другой напиток в африканском ресторане. Я заплатила и направилась обратно к своему гестхаусу.

Африканские игрушки

Рядом играли дети. В машинки. Но игрушки у них были не такие, как у нас. Кузов машины был вырезан из какой-то пластиковой бутылки, а колеса – из крышек от канистр. Все это скреплялось с помощью тонких бамбуковых стеблей и изоленты. Чтобы ребенок мог толкать машинку вперед – то есть управлять ею, к машинке была приделана бамбуковая палочка, а вовсе не веревка. Но мальчишки хвалились своими игрушками передо мной, позволяя их фотографировать. Хотя очень скоро они забыли про свои удивительные машинки, и их руки потянулись к моей фотокамере...

Дорогу затопил вчерашний дождь. Я пробиралась обратно по деревне медленно, фотографируя проходящих африканок в ярких одеждах, еще несозревшие плоды на деревьях, большой каменный дом с маленьким христианским кладбищем около него (может быть, церковь или дом священника). Детишки не отставали, позируя мне и через минуту окружая меня, чтобы просмотреть снимки на экране моей фотокамеры.

Наконец я вернулась в свой домик – один из многих на берегу озера, ведь гестхаус представлял собой десяток бунгало со всеми удобствами внутри и одно большое здание с административной и рестораном. Я пришла вовремя, так как на пляже началось какое-то торжество – люди пришли в яркой нарядной одежде, пританцовывая под современную африканскую музыку. Это был праздник в связи с крещением девочек. Пастор прочитал «Отче наш», выступил с проповедью. Потом та же музыка – одна и та же песня – играла за цикленно несколько часов. Всех пригласили к праздничному столу, а на закате все разошлись домой, под ту же песню, так же – танцуя.

Не будучи приглашенной к праздничному столу, я ограничилась только фотографированием и видеосъемкой, поэтому мне уже хотелось кушать. Аппетит проснулся не только у меня, но и у моих непрошенных гостей, вернее, гостем была я, а вокруг меня летали хозяева африканских просторов – комары. Наверное, малярийные. Они пищали над моими ушами, атакуя со всех сторон и стараясь поужинать мною. С каждым мгновением их становилось все больше.

На празднике

Я предприняла решительные действия и дошла до ресепшена. Однако в гестхаусе, где включен был только завтрак (тосты с повидлом и яичницей), поужинать не удалось: девушка-администратор любезно сказала, что надо было заранее заказывать еду. Видимо, повар уже

ушел домой. А может быть, он готовил еду для праздника и, понятное дело, устал и скорее всего отдыхает сейчас со своей семьей. На вопрос, где же можно поужинать, девушка ответила, что на улице, за пределами гестхауса. Потом предложила завтра утром после завтрака пойти на поиски крокодилов.

Да-да! Крокодилы в Африке – обычное дело! Неужели не верите? Только в озере Ньяса они не плавают – там лодки с рыбаками. А крокодилы – около реки, там, где болото и тростник. Лишь по утрам они собираются в определенных местах, которые знает только местный гид. А к полудню крокодилы расплываются. Такую информацию дали танзанийцы, приглашенные девушкой к мзунгу для разъяснения подробностей.

Рассказами сыт не будешь. Я быстро согласилась на утреннюю прогулку и, пока еще оставались силы, отправилась на улицу на поиски еды. И что же предстало перед моими глазами во мраке ночи, называемое знакомым всем европейцам словом «ресторан»? Попробуйте отгадать! Мобильная кухня с моими любимыми чипси маяи! Хорошо, что в соседнем магазинчике, сколоченном из досок, было пиво – холодное, прямо из холодильника, раскрашенном под флаг Танзании. Рядом стояла беседка из бамбука, с соломенной крышей. Там я села и покушала. Ужин удался!

А рядом с рестораном красовался огромный плакат на суахили, предупреждающий о СПИДе и гласящий, что надо помнить о заболеваниях, передающихся половым путем, и заниматься сексом сознательно.

Lierushe na ukimwi – «Берегись СПИДа».

Утром настало время пить вторую профилактическую таблетку от малярии. За завтраком. Затем пришли африканские гиды и на мой вопрос: «На чем же мы поедем к крокодилам?», ответили: «Пешком».

Путь шел вдоль берега озера, и через полчаса мы пришли к крокодиловой реке. Называется она так потому, что когда-то, еще до поселения людей и распаивания земли под кукурузные и картофельные поля, здесь жили крокодилы и гиппопотамы. Название осталось и хорошо пиарит это место среди туристов. Существует легенда, что «на восходе иногда» крокодилы лежат на пляже. Но верится в это с трудом, смотря на деревню и на то, как мальчики прыгают с разбегу прям в болото – в то место, куда только что указывал проводник, говоря: «Гиппопотам днем скрывается здесь в этом месте под водой». Дети бегали по тростнику, кричали, разве что в реке не купались. Так что ни лихорадки, ни малярии, ни дизентерии, ни цэцэ, а только страшные кусачие вездесущие красные муравьи... Стоило снять ботинок, чтобы босиком перебраться через ручеек – и муравьи тут как тут – забрались мне в штанину.

А вот крокодилы наоборот. Не соизволили напасть на мзунгу и отведать кровушки. Или крокодилы умеют прятаться, или африканцы умеют рассказывать сказки. Во втором предположении впоследствии я убеждалась гораздо чаще, чем в первом.

Открою секрет. Позже местные африканцы рассказывали, что на самом деле крокодиловая река не одна. Их две. На первой, где мы гуляли, крокодилы уже давно не водятся, так как они не любят людей, а ведь деревня все ближе и ближе подступает к местам их обитания. А вот во второй реке крокодилы пока еще есть. Но туда туристов не каждый водит: а зачем?

В итоге гиды не получили требуемой платы – только чисто символическое количество шиллингов за рассказанную сказку. Вернувшись в гестхаус, я взяла рюкзаки и потопала на автобусную остановку: надо было ехать дальше.

Машины «скорой помощи» в поле зрения не оказалось, поэтому пришлось ждать автобуса в соседний городок – Тукуйю.

Корова около озера Ньяса

Под баобабом, под вывеской пепси, стоит скамейка – как специально для меня, пустует. Я присела и достала свой мобильник, чтобы чем-нибудь заняться. Мимо проплыли две белые девушки – жена молодого немца (они уже, забыв про идею перебраться через горы снизу

вверх, наслаждались отдыхом у озера) и ее подруга, которая приехала сегодня. Они посмотрели на мою ободранную о колючки одежду и прошли мимо. Рядом женщина вытряхивала уголь из утюга, мужчины болтали по мобиле – простая модель, но все ж признак цивилизации 21 века. На остановке по-европейски одетая африканская девушка поменяла воду в ведре с рыбами – хочет довезти их домой свежими. Она отдыхала в этом же гестхаусе со своим парнем, похожим на Боба Марли, с косичками и бородой. Он раньше работал на турфирму, а сейчас сам себе хозяин, по его же словам. Они приехали к озеру из города Мбея, где мы и встретились во второй раз, но об этом расскажу позже.

Вскоре я поняла, почему скамейка пустовала: меня покусали муравьи. Пришлось встать и пройтись вокруг баобаба. Мимо уже в который раз проплыли белые девушки, посмотрели в мою сторону – уплыли. Женщины с тюками на голове, курицы – куку, как называют их на суахили, улыбающиеся дети, мотоцикл и грузовик, джип, привезший туристов, – мелькали мимо.

Вдруг подошла машина и увезла всех куда-то, и меня тоже. Еще две пересадки – и местный автобус наконец домчал до Тукуйю. По дороге, по африканской привычке, народ покупал все подряд – все, что засовывали местные продавцы в окна – курицу, сахар, манго по треть доллара за пакет, бананы, молоко...

А я как обычно наблюдала за теми, кто наблюдает за мной. Впереди сидела женщина с девочкой лет пяти. У девочки появилась странная фантазия, которая рассмешила всех в автобусе. Она протягивала руку, я пальцем касалась ее ладони, а она потом ладонью терла щеки мамы. Все смеялись над тем, что девочка пыталась «перекрасить» лицо мамы, сделав его белым. «Мама мзунгу», – хохотали все в автобусе.

фото Елена Блосфильд

© фото: Елена Блосфильд

Тукуйю: в африканских джунглях

Небольшой городок Тукуйю появился во время немецкой колонизации, в начале XX века, и назывался Ной Лангенбург. После 1919 года здесь обосновались шотландские миссионеры, затем британцы переименовали его в Тукуйю.

Тукуйю расположен чуть выше Матемы, на высоте полторы тысячи метров над уровнем моря, и оттуда в ясную погоду и при хорошем настроении открывается прекрасный вид на озеро Ньяса. Кроме этого, в Тукуйю где-то среди гор есть красивый водопад, который мне посмотреть не удалось – не успела. Проще сходить на окраину города в интернет-кафе с телевизорами вместо мониторов, написать пару sms домой о том, что все нормально.

Но в Тукуйю есть кое-что поинтересней доисторического интернет-кафе. Туристам предлагают много маршрутов по лесам и горам, на чайные и кофейные плантации, а также к уникальному кратеру потухшего африканского вулкана, возвышающемуся над африканскими джунглями, и изумрудно-зеленому озеру Нгози внутри него.

Чтобы осмотреть кратер и прочувствовать дикость тех мест, лучше ехать самостоятельно. С утра пораньше скушать чипсы маяя и доехать на автобусе по хорошей дороге до нужного места, а точнее – до поворота на вулкан. Туристы обычно заказывают джип, который довозит их дальше – до поворота на тропинку. Но этот способ – для тех, кто делает так же, как и все, то есть – как удобнее. А еще нужно взять местного проводника – так советуют танзанийцы и на этом неубедительно настаивают в офисе на повороте, где продают билеты. Впрочем, найти вулкан можно и без гида, так как путь один, заблудиться невозможно, да и африканцы всегда покажут правильное направление, а иногда и подвезут.

Дорога ведет через поля с картофелем и кукурузой, сворачивает налево, а перед поворотом справа как раз полянка, где останавливаются джипы и выгружают туристов. Далее начинаются бамбуковые заросли и джунгли, через которые нужно продираться вверх по скользкой от дождя тропинке, перелезая через стволы деревьев и отбиваясь от очень активных голодных насекомых.

Час-другой подъема – и вот я на высоте более двух с половиной тысячи метров над уровнем моря, а внизу – озеро Нгози, образовавшееся несколько миллионов лет назад на месте вулкана. Озеро примерно полтора на два с половиной километра, расположено на 200 метров ниже меня. Это второе по площади африканское озеро, расположенное внутри кратера. К сожалению, обрыв не давал шанса спуститься к воде и посмотреть поближе на птиц, которые там плавали. Другой тропинки не было, либо я ее не нашла. Прямо в центре кратера повисло облако. Потом облако уплыло и начался дождик – обычное явление в этот сезон – с ноября по март. В тропическом лесу летали мои знакомые – малярийные комары, но они, чувствуя, что я пью таблетки для профилактики, не очень-то стремились покусать. Зато на смену им пришли безжалостные мухи! Нет, не цэцэ, другие. Нормальные. Типа слепней или оводов. Кусаются очень больно, но следов на теле не оставляют. Так что уединиться в зарослях возможно, только непрерывно орудуя рекламным буклетом в продолжение всего процесса и во все стороны.

Спускаться следует осторожно, после дождя стволы и корни деревьев скользкие, а с высоких ветвей за туристами следят почти человеческие глаза – африканских обезьян.

Гид, сопровождающий туристов к кратеру, обычно рассказывает несколько мистических историй про озеро Нгози, например, что глубоко под водой живет огромный змей, или сказку про бога Дождя. Но, несмотря на то, что еще свеж был в моей памяти поход на поиски крокодилов к озеру Ньяса, я охотно поверила бы любому рассказу, потому что африканский бог Дождя уже поприветствовал меня на подъеме. И на спуске тоже. А безжалостный бог Мух, которому подчиняются страшные насекомые, нещадно кусавшие меня в джунглях, не переставал шутить надо мной, пока я пробиралась по тропинке к дороге.

Обратный путь в Тукуйю тот же – через поля по грунтовой дороге, на которой валяется никому не нужная картошка – самый популярный в Танзании продукт. Далее надо ловить автобус, который так же неизменно останавливается везде, где продаются овощи и фрукты – мешками, да-да, настоящий африканский размер.

Я уже неделю в Африке, а ананасы, бананы и авокадо уже не лезут в рот. Не говоря уже про чипси маяи! Манго я очень люблю, и эти райские плоды хорошо разнообразят мой рацион. Покупаю их всегда, причем килограммами, но на манго тут долго не протянешь. Уже не помню, какой день подряд ем и на обед и на ужин жареную картошку с яйцами. Запиваю пивом, заставляю себя проглотить традиционную еду. Но когда и от нее начнет тошнить, несмотря на пиво, – можно протягивать ноги. Я не могу понять, почему в таком прекрасном климате больше ничего не растет и кушать, кроме картошки, нечего. Хотя выращивают кукурузу, разводят коров и свиней. Курицу тоже можно кушать, но для этого ее надо купить за 8—10 тысяч танзанийских шиллингов, убить, ощипать и приготовить. Изнеженный белый турист может только купить курицу, а все остальное сделает африканский повар, но я на такое не решилась: то ли пережитки цивилизованного общества не позволили мне стать соучастником убийства живого существа, то ли я боялась, что курица сдохнет раньше времени (и такое часто бывает). Хорошо, что пиво – «Килиманджаро» и «Серенгети» – не дает мне умереть с голоду: с помбе эгги чипс, то есть чипси маяи, кажется не совсем отвратной едой. Ну а мишкаки, которые иногда мелькали в скромном меню, – это пока что-то непонятное, недостижимое и всегда отсутствующее в танзанийском ресторане.

Пока с такой ситуацией я могла смириться, только имея на столе вместе с картошкой еще и бутылку пива. И даже могла иногда обходиться и без обеда, отвлекаясь на фотографирование природных красот и сцен из местной жизни. Но почти всегда кто-нибудь начинал орать, что, мол, фоткать можно только за деньги. Откупаться необходимо – шиллингами, шутками-прибаутками, фотокамерой (дать человеку тоже поснимать, и пусть знает, что ничего страшного в этом нет), либо – что для меня невозможно – отказаться от удовольствия фотографировать. После того как африканский мальчик или девочка, или даже взрослый человек, сделают много снимков мзунгу, на его же собственную фотокамеру, можно смело просить у африканского ребенка деньги. Никто не обижается, только смеются. И все счастливы. Африканцы – что пофотографировали на дорогой фотоаппарат, а мзунгу – что теперь у него есть хорошие персональные фотографии, сделанные местными детишками.

Танзанийцы вообще добрые, гнев и агрессию неожиданно меняют на смех и добродушие, но очень любят повозмущаться и посетовать на несправедливость. Есть что-то сходное с нашим российским народом.

Перед мзунгу, кроме однообразной еды и нежелания африканцев фотографироваться, постепенно встает и третья проблема. Трудно снова стать белым после треков и автобусов. Тщетно я пыталась отмыться под холодным душем в отеле, отстирать одежду, ведь мне было непривычно сидеть в африканской маршрутке в грязной рваной одежде рядом с танзанийцем, одетым в чистый отглаженный костюм и галстук.

В течение длительной поездки, с остановками на шопинг, как обычно, я смотрю вокруг на сидящих рядом людей. Это типичные сельские жители: женщина везет в руках курицу и петуха, парень в теплой куртке держит на коленях купленный только что и еще запакованный в полиэтилен чемодан. Это не мой рваный рюкзак... Женщина, расплачиваясь за проезд, достает деньги из узла нижней юбки, потом тщательно сворачивает угол юбки и опять завязывает в узел, пряча его под вторую, верхнюю юбку.

Утро. Я еду в город Мбея!

Мбея: нетёплое лето на экваторе

Мбея – очень крупный город Танзании, там живет более 350 тысяч человек. Здесь не жарко даже летом. Через Мбею проходит железная дорога «Тазара». Но я приехала сюда на автобусе.

Чтобы увидеть какой-либо город во всех подробностях, нужно выбрать для себя отель в противоположном от автовокзала районе. Именно таким образом мне удалось посмотреть город Мбея. Отель находился на окраине, как раз за живописной свалкой автобусов. Первое желание было прогуляться по свалке и устроить там себе фотосессию. Но, почуяв мзунгу, из-за обломков грузовика выглянул сурового вида охранник в теплой куртке. Через плечо был перекинут синий плед – видимо, это был маасай. Плед определенного цвета – отличительный символ принадлежности к племени, так как одеться в традиционную одежду он не мог – было очень холодно, несмотря на то, что в декабре в южном полушарии лето, да и Танзания находится недалеко от экватора. «Опять орать будет», – подумала я, вспоминая недавний случай в Тукуйю, когда на рынке африканец возмущался и требовал денег за фотографирование грузовика с бананами. Дело тогда кончилось полицией и удалением снимков. Знакомиться с полицией в каждом городе не входило в мои африканские планы, и я постаралась забыть о свалке автобусов, сфотографировав только ворота и охранника.

Заселившись в гестхаус христианской миссии, я впервые достала куртку, припасенную на случай восхождения на Килиманджаро. Было холодно, примерно 16 градусов. Дождь лил с утра до ночи, затрудняя фотографирование окрестностей. Интернет оставлял желать лучшего. В гестхаусе, по обыкновению, в моей комнате была Библия на английском языке и какая-то научная книга на немецком, но пиво в ресторане гестхауса не продавали. А этот чудодейственный напиток найти просто жизненно необходимо – к ужину. Иначе как кушать картошку и яичницу?

Хотя, несмотря на дождь как из ведра, в ресторане на одной из улиц города, где обедали местные, меня ждал праздник – меню на несколько страниц! И вот на столе появилось не чипси маяи, а Не знаю, что это, однако заказала, на свой страх и риск, чтобы внести в свою жизнь хоть какое-то разнообразие. Не могу объяснить, почему я подумала, что – это национальное блюдо из какого-то дерева или корнеплодов – напоминает картошку толченую, но сытнее. А это я точно знала – как раз то, о чем я мечтала уже давно, но не решалась купить живьем, – курица. Просто кусок на тарелке. Позже выяснилось, что угали – это кукуруза. Не осилив до конца угали, внезапно я осознала, что картошка – это еда всех времен и народов. *угали куку. угали куку* –

После обеда, пока не стемнело, я старалась осмотреть город, что-то сфотографировать, но под сильным дождем сделать это было трудно, поэтому я поспешила в гестхаус, по пути заглядывая во все магазины в поисках пива.

Пока ехала в Мбею на автобусе, я через окно купила огромный пакет маленьких бананов в качестве закуски к пиву, которое я еще не нашла. Кроме надоевших авокадо и ананасов здесь продают апельсины, в огромных сетках. Вкусных фруктов, привычных европейцу, много. Да и вообще, Мбея – крупный город, с множеством ресторанов и магазинов. И чтобы предстоящий ужин в гестхаусе переварился еще лучше, я купила вместо пива мартини в магазине у мусульманина из Индии. Это странно, потому что обычно в районе мечетей, да и в магазинах у мусульман никогда не продается алкоголь.

Ужин, несмотря на традиционные чипси и маяи, был прекрасен. Под шум дождя, в ресторане гестхауса. А персонал наряжал ёлку – готовились к Рождеству.

Совсем забыла. Чуть раньше, перед обедом, на площади Мбеи повстречался танзанийский Боб Марли, с которым я познакомилась у озера Ньяса. Правду говорят: мир тесен. Даже

в городе, где живет почти 400 тысяч человек, не скрыться от знакомых. Он отправил свою прекрасную спутницу, теперь уже одетую в африканскую одежду, домой, а сам показал автовокзал и помог купить билеты у своих знакомых, в автобусной компании. Правда, из всего этого потом вышла темная история и неприятная накладка, зато я опять познакомилась с полицией.

Мбея

Тут начинается очередная традиционная сказка.

В офисе автобусной компании «Сателит» уверяли, что автобус остановится около шести часов недалеко от гестхауса на шоссе. Воистину, Африка – страна непредсказуемая. В 6 часов, еще до рассвета, на условленном месте останавливается автобус. В темноте темнокожие мужчины молниеносно выскакивают – машут руками, хватают рюкзаки, и, возбужденно крича или ругаясь, запикивают их в автобус. На вопросы и на билеты компании «Сателит» не реагируют. Ну что ж, едем. Вдруг (хотя этого следовало ожидать) подходит кондуктор, просит показать билеты. И тут произошла удивительная вещь. Автобус оказался другой компании, совершенно другой, не «Сателит». А новые билеты, которые предлагал купить кондуктор, стоили дороже: не пятнадцать, а двадцать тысяч танзанийских шиллингов.

После долгих препирательств кондуктор позвонил куда-то и стал уверять, что все нормально и автобус «Сателит» где-то будет ждать, просто выехал он позже из города. Но конфликт не был исчерпан. Денег африканцам хотелось, и отпускать мзунгу они не собирались.

– Автобус «Сателит» сломался, плати двадцать тысяч шиллингов за билет, – говорит кондуктор.

Что ж, мзунгу так просто не сдастся...

После еще более долгих препирательств подходит молодой человек, с виду крутой начальник, и выяснение отношений продолжается. Волшебное слово «полиция» ставит в конфликте точку. Рюкзаки выбрасываются из автобуса... нет – аккуратно ставятся на землю рядом с полицейским участком на границе регионов Мбея и Иринга, где полицейские проверяют весь транспорт.

Карибу!

Добро пожаловать!

Полицейские выслушали суть проблемы, куда-то позвонили и сказали ждать, мол, автобус «Сателит» скоро будет. А пока можно было не спеша сделать много фотографий африканских хижин, саванны и вулканов на горизонте.

Так прошел час.

Опять выручило знание суахили – побывала в традиционном танзанийском, сделанном из веточек, в виде круга, без двери и без крыши, туалете.

Вернувшись из деревни на трассу, я заметила, что границу провинций тоже купила компания «Кока-кола», поставив свой рекламный щит со своим логотипом, с надписью «Добро пожаловать в регион Иринга» и с информацией-напоминанием, что кола-кола тут по 500 шиллингов.

В городе Мбея на каждом месте для рекламы красовалась надпись с логотипом кока-колы, даже вывеска на центральном автовокзале или указатель на перекрестке с названием гостиницы, улицы или другой ориентир были с логотипом кока-колы.

Итак, через полтора часа приехал автобус «Сателит». Был ли он сломан и отремонтирован (что вероятней всего и похоже на правду), или это был следующий рейс, я не знаю. Темная история, в черной Африке, – такой и останется. Впрочем, как обычно. Акуна матата.

Путь в следующий город – Иринга – продолжается. Не доезжая до него пятнадцати километров, невозможно пропустить поселок Мафинга, где есть интересное место – красивые столбы с выветренной горной породой и стоянка древних людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.